

В. Г. Белинский

**Постоялый двор. Записки
покойного Горянова, изданные
его другом Н....**

Виссарион Григорьевич Белинский Постоялый двор. Записки покойного Горянова, изданные его другом Н. П. Маловым

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2868055*

Аннотация

«...почтеннейший Горянов покойник, а Н. П. Малов только издатель его записок: один прав тем, что скончался; другой тем, что он только исполнитель воли покойного, душеприказчик, и нисколько не виноват в проказах своего друга. Как же тут быть? Где взять виноватого, кого судить?...»

Содержание

Комментарии

**Виссарион Григорьевич
Белинский
Постоялый двор.
Записки покойного
Горянова, изданные его
другом Н. П. Маловым**

Постоялый двор. Записки покойного Горянова, изданные его другом Н. П. Маловым. Санкт-Петербург, в тип. Александра Смирдина. 1835. Четыре части: I – 315; II – 282; III – 249; IV – 249. (12).^[1]

Сорок пять печатных листов мелким шрифтом – есть чего почитать! В этом отношении никто не может так хорошо оценить достоинства этого романа, как я. Нечего сказать – свершил геркулесовский подвиг! Уф! дайте перевести дух!..

De mortuis aut bene, aut nihil¹ – говорит латинская пословица; почтеннейший Горянов покойник, а Н. П. Малов только издатель его записок: один прав тем, что скончался; дру-

¹ О мертвых либо ничего, либо только хорошее (латин.). – Ред.

гой тем, что он только исполнитель воли покойного, душеприказчик, и нисколько не виноват в проказах своего друга. Как же тут быть? Где взять виноватого, кого судить? Но вот счастливая мысль! Я нашел средство успокоить мою совесть: ведь о покойниках грех судить только в таком случае, когда они умирают вполне, совсем, без всяких претензий на внимание живых, без всяких притязаний беспокоить живых своей личностью; а г. Горянов, отдавши тело свое земле, а дух небу, не сошел с житейского поприща, не оставил этого тревоженного моря: он завещал нам, живущим и здравствующим, свои мысли, чувства, страдания, мечты, историю своей многотрудной и многострадальной жизни, историю большого числа лиц, с которыми судьба поставила его в тесные соотношения, короче, он завещал нам четыре огромные книги, от которых невмочь голове и сердцу, напечатанные мелким шрифтом, от которого невмочь глазам. Итак, мир праху страдальца, благословение его памяти! Но его книга – другое дело! Он сам вызвался на суд, прежде наказавши нас тяжкою казнию и без всякого суда. Теперь наша очередь, и мы не откажемся от наших прав. Г-н издатель – другое дело! К нему нельзя придраться ни с которой стороны, разве только со стороны неумения ставить правильно знаки препинания. Против этого ему решительно нечего сказать: мы были при смерти покойника, мы слышали его последнюю волю, и мы знаем, что он не заказывал своему другу следовать в точности своей орфографии. Может быть, почтенный Н. П. Малов,

по личной дружбе и уважению к покойному, не хотел ни на йоту отступить от текста завещанных ему тетрадей. В самом деле, это очень может случиться: а воля умирающего священна, уважение к его памяти тоже!..

Бог судья г. Горянову! Взял он на свою душу (во всех других отношениях совершенно праведную) тяжкий грех, а мы, не виноватые ни душой, ни телом, должны отдуваться за него. Расчет не совсем добросовестный! Но дело сделано, поправить его нельзя; можно только избавить от добровольной пытки многих доверчивых читателей, и мы постараемся это сделать.

Что такое «Записки покойного Горянова»? Это роман; записки – только форма. К какому роду романов относится он по своему характеру и содержанию? Трудно отвечать удовлетворительно на этот вопрос, трудно найти тип этого романа. Он принадлежит к какому-то смешанному роду: в нем найдете вы манеру и девицы Марьи Извековой, и г-жи Жанлис, и мисс Эджворт, и Поль де Кока, и даже частию Александра Анфимовича Орлова. Сколько посторонних влияний, сколько чуждых вдохновений! Но у покойного Горянова много и своего собственного, от чего читателю ничуть не легче. Нынче все жалуется на несправедливость критики, никто не хочет верить ее добросовестности, требуют доказательств и выписок, чтоб дело было яснее дня, чтобы читатель имел данные для суждения о разбираемой книге и проверке самого разбора. Требование очень справедливое, хотя и редко воз-

можное для исполнения. Итак, мне должно изложить вкратце содержание романа и ход его действия от начала до конца, отдать отчет в характерах действующих лиц: я бы и сделал это, если б была какая-нибудь возможность! Но я утомил бы вас, утомил бы себя, и всё без пользы, без нужды. Нет – от такого подвига отказался бы и сам Геркулес! – Роман *длинный, длинный, и поучительный, и чинный*;[2] происшествий бездна, действующих лиц тьма тьмущая; притом же, на этот раз, и самая память мне как-то изменила: не больше двух часов, как я дочитался до отрадного слова «конец», а уже забыл множество подробностей и должен пересматривать, перелистывать все бесконечные четыре части, должен беспрестанно наводить справки, делать выписки; легкий ли это труд – сами посудите! Но делать нечего; взялся, так прочь отговорки! Постараюсь схватить главные черты, характеризующие этот роман, указать на самые яркие и цветистые; у кого много лишнего времени и охоты, кто не трусит умереть вдруг тысячу раз, тот может прочесть самый роман. Итак, приступаю к делу, со страхом и трепетом, иду на новую попытку с самоотвержением и преданностью воле судьбы неумолимой. Августа 14, в пять часов утра, в день своего ангела проснулся Горянов и, не вставая с постели, сказал довольно длинное и витиеватое воззвание к богу, собственного сочинения. За сим следует описание физических примет оратора, потом описание бедствий, претерпенных им в жизни. Горянов принадлежал к числу чудаков и оригиналов: утомленный

жизнию, он купил себе семь десятин песчаной земли, удобрил ее, развел сад, построил постоянный дом, одну половину которого занимал сам, а в другую пускал проезжих и им же сбывал произведения своего сада. Надобно заметить, что он имел чин действительного статского советника и орденскую звезду. Тут следует самое подробное описание усадьбы, дома и сада Горянова; словоохотный г. Малов описывает всё это с такою отчетливостию, с какою Вальтер Скотт описывал замки рыцарей. Эту страсть к скучным, утомительным описаниям на нескольких страницах почтенный издатель занял у своего покойного, как увидим ниже. Он описывает, в каком порядке размещены были плодовые деревья, какие цветы и как расположены были в партере. Я пропускаю описание утреннего туалета Горянова и глубокомысленные его рассуждения (вслух, с самим собой), по поводу каприфоллии, обвиняющейся вокруг дома. Горянов был человек пожилой, а старики вообще болтливы. Я пропускаю его разговор с ключницею Ольгою и богатые подарки на водку своей прислуге, талерами и рублевиками. Горянов был человек щедрый и благодетельный. Равным образом, я пропускаю описание кабинета Горянова, которое, конечно, длиннее и поэтичнее описания Армидина сада у Тасса.^[3] Но вот к Горянову приходит друг его, Н. П. Малов, и между ними начинается преглубокомысленный разговор о *«животворящем духе великого разума»*, как силах действующих и страдательных; о *«веществе»*, как составе формы, органах, и об *«общем зако-*

не – рождении, жизни и смерти». Этот разговор так мудрен, что я ни слова не понял в нем, потому что в нем есть такие вещи, которых

Нехитрому уму не выдумать и век.^[4]

За сими глубокими мыслями следуют нападки на ум, на *этого гордеца zdeшнего мира*. Уж достается ж ему от обоих друзей – и поделом мука! – Вдруг входит мальчик весь в слезах, докладывает, что какой-то проезжий избил его и требует налицо самого хозяина. Горянов надел звезду и пошел к проезжему. Едва переступил он через порог, как проезжий проревел: «Так это ты!», вонзил ему в бок охотничий нож, выскочил из комнаты, и след простыл. Истинная сцена из испанской жизни! Только охотничий нож, вместо кинжала, разрушает немного очарование. Но вы, пожалуй, скажете, что на Руси таких романических убийств не бывает, а если и случаются, то не остаются безнаказанными; погодите, еще не то увидите: увидите похищения среди белого дня, удары кинжалами, не в грудь, а... Но после скажу, и тогда вы узнаете, что русская жизнь ничем не разнится от итальянской или испанской. Бедный Горянов умирает и завещает свои тетради Н. П. Малову.

Каждая тетрадь начинается сентенциями о том и о сем, а чаще ни о чем. Если сентенции выкинуть, то двух частей романа как не бывало. Но где же роман, и что же он? По-

стойте – сейчас. Горянов не есть герой романа, он в нем лицо аксессуарное; его постоянный дом тоже не играет в романе никакой роли. Впрочем, очень трудно найти настоящего героя романа; в трех первых частях его роль играет, если не ошибаюсь, дочь генерала Катенева, Катерина Михайловна. Горянов купил у ее отца землю и через это познакомился с ним. Описание физических и нравственных примет отца и дочери составляет несколько страниц. Здесь скажу кстати и однажды навсегда, чтобы избежать повторений, что Горянов не скупился на описания, и если бы их выкинуть, то еще части романа как не бывало. Чуть появится новое лицо, он описывает его с ног до головы и с головы до ног; он ничего не упустит, ничего не забудет, начиная от цвета глаз и волос до устройства ноги, от формы головы до бородавки на щеке. И нечего сказать, в этом отношении труды его не тщетны: стоит только заучить описание кого-нибудь из действующих лиц, так узнаешь его, не читая его паспорта. Но этим всё и оканчивается: как ни подробно рисует автор физиономию души, как ни тщательно анализирует характер того или другого лица, это лицо для вас всегда – привидение бесплотное! – У генерала есть еще сын; он в полку, украшен двумя ранами и несколькими орденами. Катерина Михайловна любит Долинского, ловкого, умного и храброго офицера, поляка по происхождению, русского по обстоятельствам жизни и по службе. Генерал полюбил молодого Долинского за его личные достоинства, но когда узнал о любви его к своей до-

чери, то запретил ему вход в свой дом. Генерал ненавидел поляков, а о любви имел самые военные идеи. Но свидания продолжаются, любовь *гнездится в ущельях сердец*^[5] молодых людей. Ах! кто может повелевать сердцу? оно не признает над собой никакой власти, ни отцовской, ни генеральской!.. Генерал знал о свиданиях, знал о переписке и, считая всё это за вздор, не обращал на это никакого внимания. Чудак! он не знал, что подливает масло на огонь, и без того сильно пылавший. Наконец, он наотрез сказал своей дочери, что ей не бывать за Долинским. Упрямый старик! жестокий старик! Но как вы ни сердитесь на него, а всё сознаетесь, что он лицо необходимое: без тирана, что за роман, что за драма? а Катенев тиран очень добрый, очень милый во всех других отношениях. Надобно вам сказать, что Катерина Михайловна предостойная девица; она создана автором по образцу шиллеровских героинь, этих идеальных, небесных созданий, и только один раз, как увидим ниже, сбивается на тон и характер польдекоковских гризеток, этих созданий чисто земных и магазинных. Но кто из рожденных от жены не падал?.. Дочь в отчаянии, но сила духа ее превозмогает тяжесть страдания: она исторгает у отца своего позволение остаться, как выражается автор, *в девках* и устроить гостеприимный дом из семи помещений для бесприютных семейств. Генерал согласился на то и на другое. Правда, первое-то условие было слишком для него тягостно, потому что ему, как аристократу, хотелось видеть в будущем распространение своей фами-

лии; но у него оставался еще сын, бравый молодец, который мог постоять за себя. Виноват! первая просьба была сделана дочерью и утверждена отцом гораздо после второй, когда уже генерал пригласил^[6] гостить к себе в дом графа Чиждова, который страстно влюбился в Катерину Михайловну и за которого генералу страстно хотелось отдать свою дочь. Граф Чиждов... но о нем после. Теперь остановим наше внимание на богоугодном заведении сердобольной девицы Катеневой.

Когда уже принято было несколько неприютных женщин, мамзель Катенева, принявшая на себя звание и должность президента своего заведения (формы – дело прекрасное, их не мешает соблюдать и девицам), открыла совет о принятии новых несчастных. Совет происходил со всею торжественностью, приличною присутственному дому: президент сидел в углублении залы, за большим столом, покрытым до пола зеленым сукном; над ним висел портрет ее отца, а вокруг стола члены совета, состоявшие из призренных женщин.

– Здравствуйте, Алексей Павлович! – сказала она мне (Горянову). – Садитесь возле меня. Мы работаем в первый день праздника (Пасхи); но работа наша посвящена Ему, как молитва. Мы судим и рядим о принятии новых семейств, потому что еще три отделения не замещены. – Она обратилась к молодой Картуковой, которая сидела у противоположного конца стола и *занимала должность секретаря*. – Прочтите, – сказала она, – выписки из бумаг, нужных для нашего

сведения.

И *секретарь* прочел известие о лишившейся мужа, разорившейся от пожара и других несчастных случаев и обремененной детьми купчихе Сысоевой.

Катенева *повела глаза* (??..) по членам совета. – «Что скажете?» – спросила она. – «Принять! принять!» – был ответ. Картукова продолжала: «Анна-Мирль Герценсбуле, девица из Тапсала, по просьбе госпожи Меловой. Местопребывание в здешней губернии, в городе Н...»

– Что же ты, Настенька, остановилась? – спросила девица Катенева: – *пороки других не касаются до нас*. Помнишь, как привели к Спасителю на суд женщину дурного поведения? Неужели бы ты не стала читать этой притчи? Продолжайте, Настенька!

– Анна-Мирль имеет двух детей...

А, так вот в чем дело! Секретарь был застенчивее председателя; оно так и следует: подчиненные всегда застенчивы в присутствии начальников. Впрочем, как ни странно слышать, что идеальная девица, с возвышенной душою и любящим сердцем, так храбро рассуждает о человеческих слабостях известного рода и не краснея дает знать, что она имеет о них ясное понятие, но мы нисколько не поставляем этой *опытности и знания* к стыду *идеальной* девы. Мы выписали это место потому, что оно привело нас в истинное умиление. Теперь обратимся назад.

Приезжает граф Чижев; в это же время был в отпуску и сын Катенева. Чтобы дать понятие о наружности и характере графа, надобно было списать слово в слово несколько страниц, а у нас для этого не достало бы ни времени, ни места. Граф был двадцати осьми лет, пригож собою, с лукавыми глазами, и очень умен и образован, хотя из его разговоров и поступков этого и не видно; но мы верим на слово автору. Как ни бился граф, с которой стороны ни заходил он к Катеневой, но успел приобрести только ее дружбу и заставить ее полюбить себя, как брата. Катерина Михайловна, назло отцу и брату, к отчаянию графа, была верна Долинскому, как и должно героине романа. Вдруг получает она письмо от Долинского, который уведомляет ее, что он женился, и разрешает ее от клятв. С бедной девушкой сделалась апоплексия, продолжавшаяся несколько дней; она была при смерти и умерла бы, если бы лекарь Крузе не спас ее. Этот Крузе, несмотря на свою молодость, был очень искусен, и если автор романа доводит кого-нибудь из героев до гроба, но не хочет совсем уморить, то Крузе творит чудеса. Упомяну об одном действии его чудесного искусства воскрешать мертвых. Хотя генерал и был палачом своей дочери, но в прочих отношениях был, как я уже и сказал, прекрасный человек, только с большими странностями. Так, например, он был чрезвычайно недоверчив и подозрителен, и за ним водился грешок — подслушивать. У него гостил племянник Ершов, промотавшийся повеса, а впрочем, добрый малый; этот Ершов раство-

рил со всего размаха дверь и поразил подслушивавшего разговор своей дочери с Горяновым в висок костыльком замка. Старик чуть не умер, дочь его также, но чудотворный гений Крузе всё поправил.

Итак, Катенева чуть не умерла. Брат ее, тотчас по прочтении рокового письма, вскричал: «Смерть!» – и решился ехать в Вильно, чтоб убить Долинского. Отец еще больше подстрекал его ко мщению, и тщетно добрый Горянов читал им длинные и поучительные диссертации; безумцы не опомнились, а *bon homme*² понапрасну сорил цветы своего красноречия, доводы ума и убеждения чувства. Между тем, Катенева была спасена, но, избавившись от физической болезни, она впала в нравственную, да в какую! стыдно уж сказать. Из шиллеровской девы она сделалась польдекоковскою девкою. Будучи свидетельницею ласк, оказываемых благодетельственной ею девушке женихом ее, и потом супружеских ласк четы Маловых, которые при людях не очень женировались, она почувствовала какое-то преступное любопытство и, выдумывая средства, как удовлетворить ему, вступила в разговоры с своею горничною. Мы выше видели, что Катенева и без того была довольно сведуща *in rebus natura*,³ но, видно, горничная была еще опытнее. Но послушаем саму Катерину Михайловну:

– Мой ум начинает расстроиваться. Я боюсь

² добрый малый (*франц.*). – *Ред.*

³ в мире природы (*латин.*). – *Ред.*

мужчин: взгляд на них заставляет меня трепетать всеми членами. Я боюсь сама себя; боюсь собственных глаз своих, языка, рук: этих обличителей моего безумия. Целомудренная еще телом, я готова утратить всё при первом удобном случае.

Какова?.. О, покойный Горянов хорошо знал людей, и особенно молодых идеальных девушек!.. Итак, есть надежда, что Катенева далеко уйдет; но, к счастью, ее спасает другой врач, уже духовный – Горянов. Он же узнал случайно, что письмо Долинского было подложное, что всё это были штуки Чижова; граф уезжает от Катеневых с яростию в душе и планами о мщении. Молодой Катенев в окрестностях Полоцка. Он получает чин полковника, встречается случайно с Долинским, который был уже бригадным генералом, и дружится с ним. Граф Чижов чуть было не убил исподтишка Катенева, но Долинский спас его. Однажды генерал Катенев читал «Северную пчелу» и увидел из ней, что Долинский спас двадцать четыре человека от потопления, подвергая опасности собственную свою жизнь; старик пришел в умиление и сказал своей дочери, что Долинский – ее! Надо прибавить здесь, для ясности, что Долинский принужден был выдавать себя за сына часового мастера, когда свел знакомство с Катеневыми; потом открылось, что он принадлежит к хорошей фамилии: генералу это было известно еще прежде. Итак, веселым пирком да и за свадебку? Оно так, но сперва надо было преодолеть множество препон. Чижов с сообщником своим,

беглым солдатом, нашел средство проникать, когда ему было нужно, в одну пустую залу генеральского дома и по ночам, подобно домовому, пугал всех жителей его. Когда приехал Долинский, он хотел его убить, но провидение не позволило восторжествовать злодею. В доме генерала ночевал однажды Тараторин... Но позвольте познакомить вас с этим лицом: оно очень оригинально.

Тараторин – глупец, мать его – дура, отца у него нет, но он наследник большого имения. Ему хочется жениться, так же как хотелось жениться Митрофанушке. Он волочится за всеми девицами, и все над ним смеются. Он говорит *наизнанку*; например, он хотел сказать: «Точно как теленок облизал», а сказал: «Точно как *лизенок обтелял*». Неправда ли, что это очень мило? О! покойный Горянов мастер был рисовать характеры:

Девушка Картаулова отвечала Тараторину: «Вы надо мною шутите, мне, бедной, безродной сироте, можно ли быть вашею женою?» – Как это, Федосья Андреевна (отвечал Тараторин), быть *мне вашей женою*:.. что вы *над* этим разумеете?

Ну, теперь имеете ли вы понятие о г. Тараторине? – Однако ж он добрый малый: когда граф похитил Катеневу, он смело бросился в воду, ухватился за лодку, и только добрый удар по руке не допустил его свершить рыцарского поступка. Но этим, как увидим ниже, не кончились его беды. Прибавлю еще последнюю характеристическую черту к изобра-

жению Тараторина. Он, наконец, женился на одной из признанных Катеновой девиц; а Ершов, которому удалось спасти свою кузину от Чижова, женился на сестре Тараторина. И вот что говорил Ершов насчет семейственных дел своего шурина:

– Что вы думаете? (говорил Ершов) заметили вы, как бедная Марья Андреевна похудела в два месяца! Это не даром – от болезненных припадков душевных и телесных. Он больше, чем зверь: не знает ни времени, ей места; не имеет ни соображения, ни жалости; как заладит свое, ничто не может остановить его.

Итак, этот-то Тараторин остался однажды ночевать в доме генерала; спать ему досталось в одной комнате с Долинским, который, положив его на свою постель, пошел спать в комнату молодого Катенева. Вдруг оба друга услышали ужасный крик; прибегают, и что же видят?.. Ведь вздумалось же судьбе сыграть такую плоскую шутку! Тараторин лежал весь в крови и плескал ее рукою. Рана была не на голове и не на груди, а пониже немного спины; удар был нанесен кинжалом, и так как Тараторин, вероятно, спал на боку, то имел четыре раны. Фу!.. Крузе его вылечил, однако ж он долго не мог сидеть.

Наконец мамзель Катенева сделалась мадам Долинская. Муж ее, в угождение генералу, вышел в отставку и остался жить при нем. Он перевел на ее имя свои две тысячи душ; молодой Катенев отказался, в пользу сестры, от *Крутых Вер-*

хов; словом, все сражаются взапуски великодушием, плачут, рыдают, целуют, обнимают друг друга и говорят сентенции и речи, вопреки мнению доброго Горянова, что *кто много чувств имеет, тот мало говорит*.

Но Катенева нашла в браке только душевное блаженство, в своем откровенном разговоре с Горяновым, которого мы не выписываем, потому что и так боимся, за эти выписки, негодования со стороны наших читателей, призналась ему, что «одни только обязанности жены могут ее принудить пользоваться земными наслаждениями».

А граф Чижов? Он получил достойную награду за свои злодеяния: свалился с моста через Оку, сперва попал на кол ляжку, потом сорвался и снова попал на него, на манер как казнят в Турции преступников. *Fi donc!*⁴

Третьею частью оканчиваются похождения Катерины Михайловны; в четвертой она играет второстепенную роль и только делает, что ораторствует о преимуществе небесной любви перед земною. Героинею четвертой части является княжна Серпуховская. Как ни устал я сам, как ни утомил вас но – делать нечего – познакомлю вас и с этою *гисториею* которая весьма поучительна.

Княгиня Серпуховская знакома и дружна с семейством Катеневых. У ней дочка лет четырнадцати, ангел собою, умница неописанная. Мать ее воспитывает прекрасно, только убила в ней волю и, в этом отношении, сделала ее автоматом.

⁴ Фи! (Франц.). – Ред.

– Как я люблю, мама, эту мимозу! – прошептала княгиня.

– А как ты смеешь любить? – сказала княгиня, шутя, и дочь в одну секунду перепорхнула с кушетки в объятия матери.

Княжна имеет чувствительное сердце. Горянов рассказал историю об одном несчастном семействе:

– Мама, друг мой, мама! что хотите со мной сделайте, только позвольте выкупить это бедное семейство.

А вот другой случай:

– Мама! милая мама! – сказала Аннета матери, сложив свои ручонки, – пустите меня к Харламовне! Страх как хочется проститься с нею и с Парашею.

– Давно ли ты была больна, мой друг? хочешь еще простудиться и огорчить мать?

– Ежели бы вы знали, голубчик мой мама! у Параше нет ни шубки, ни тепленьких ботинок. В чем она поедет?

– Пошли к ней всё это с своею горничною. Послушай, что я тебе скажу! Тебе хочется самой любоваться ее благодарностию.

И Аниюты не было уже в комнате. Она воротилась не прежде как через полчаса и кинулась на шею к матери.

– Мама! дружок мой! – сказала она, – я послала еще Параше два платица; а старушке штучку домашнего полотна и сто рублей.

Мать поцеловала ее в лоб и в глаз».

Какая милая девушка! А посмотрите, как она невинна, как наивна!

– Скажите, Борис Михайлович, кто из нас богаче?

– У нас четыре тысячи душ.

– Так я богаче.

– Мама, – спросила Аня, – на что это богатство?

– Чтоб делать пособие другим, – отвечала мать.

– Разве так! а я могла бы прожить, как живет Лугина.

– Кто это такая? – спросил Катенев.

– Бедная дворянка, – отвечала княгиня. – Денежный ее доход ограничивается тысячью рублями... Она, впрочем, родственница какой-то знатной фамилии.

– Что такое, мама, знатной?

– Человек, известный родом и заслугами или одними заслугами.

– В таком случае, я уважаю лучше последнего.

– Поэтому вы любите славу? – спросил капитан.

– Мама, что такое слава?

Княгиня увезла свою дочь в Москву и начала ее учить всем наукам. Княжне уже шестнадцать лет, и, по свидетельству профессора Чумакова, ее учителя, она прошла уже полный курс геометрии и алгебры; через год она прослушала курс эстетики и историю философии и занималась даже механикою, физикою и химиею. Может быть, вам не понравится это, может быть, вы, подобно мне, не можете терпеть *академиков в цепце и семинаристов в желтых шалях*;[7] но не беспокойтесь, княжна не сделалась педантом; ее обширные

познания в естественных науках помогли ей сделаться *электической кухаркою* и *домоводщицею*; она применяла свои знания к стряпне, к крашению ниток и пр. Также она довольно успела и в *анатомии*, посредством гипсовых и анатомических слепков. Последнее знание, как увидим ниже, очень пригодилось ей. Когда княжна была столько учена, что могла уже выдержать докторский экзамен, она отправилась с матерью путешествовать по Европе. Разумеется, путешествие еще более возвысило достоинства этого идеального существа. И вот они возвратились из путешествия; княжне было тогда девятнадцать лет, а Катерина Михайловна Катенева давно уже была госпожою Долинскою. Княжна прекрасна, рост ее мал, но талия прелестна, характер живой, огненный, страстный. Она любит всё необыкновенное, всё гигантское, особенно высоких и складных мужчин; идеал ее мужа – стройный гренадир, и неудивительно: сама она мала, а противоположности нравятся. Мать ее, видя, что дочка давно уже на возрасте, и притом утомившись заботами о поддержании своего имения, хочет видеть ее замужем. Ей нет нужды, кто будет мужем ее дочери, дурак ли, урод ли, был бы богат. Да, княжна очень переменилась, возвратясь из путешествия! В княжну влюблен молодой Катенев, полковник, увешанный орденами и крестами, украшенный ранами, и какой умница, боже мой, какой умница! Что ни шаг, то проповедь, что ни слово, то сентенция. Но бедный напрасно вздыхает, напрасно томится – ему сулят братскую любовь, а всё оттого,

что он обыкновенного росту. Потом княгиня выписала князя Таракутова; этот князь генерал и, несмотря на то, большой дурак и скряга. Как ни хотелось матери упрятать свою дочку за этого молодца, но не тут-то было! На подставку князю нашелся камергер, действительный статский советник Шенбаров, человек ловкий, светский и чрезвычайно умный, но такой дурной собою, что на него нельзя было смотреть без отвращения. Он толковал с княгинею о *тайне плодородия природы*, идею которой древние обожали под именем Изиды. Вдруг с княжною совершается чудо чудное, диво дивное... Но послушаем самого автора:

Княжна Серпуховская начала совершенно отливаться в формы порока... Свежесть ее исчезла, румянец обратился в бледность: глаза помутились, *под глазами легли свинцовые полосы*. И всё это в несколько дней! Как быстро этот огонь разрушает прелести земные! Высокая грудь ее беспрестанно волнуется; походка приняла вид сладострастный; все поступки сделались решительны; *в одежде открылась неопрятность* соблазнительная небрежность... Она не может ничего делать и ничем заняться: одни только мечты нечистые в груди ее, одни желания неукротимые.

Как не поверишь, после этого, что от высокого до смешного один только шаг! Наполеон прав; но не менее его прав и Державин, который сказал:

Каких ни вымышляй пружин,

Чтоб мужу бую умудриться, —
Не можно век носить личин,
И истина должна открыться.^[8]

Да! кто создан Поль де Коком, тому не бывать Шиллером!..

Все дело в том, что княжна повстречалась с мужчиною в 14 1/2 вершков, стройным и гибким: этого ей было достаточно, чтоб влюбиться без памяти. Пламенное воображение княжны любило меры большие, количества огромные. Но кто же был этот мужчина? Убийца, делатель фальшивой монеты, несколько раз наказанный кнутом, заклеянный несколькими печатями позора. Он бежал (не помню, в который раз) из Сибири и убил Горянова, который, находясь в службе, судил его за одно уголовное преступление и способствовал его ссылке в Сибирь. Этого злодея звали Зарембским; на его атлетическом теле была голова Антиноя; на лице — байроновская улыбка; глаза — глаза змея райского; он быстро и правильно объяснялся на французском, немецком и английском языках. Так описал его Горянов, который знал его еще двадцатидвухлетним юношею и отставным майором одного кирасирского полка. Зарембский воровал, грабил, жег и резал людей, основывал раскольничьи секты, и пр., и пр. И в этом-то широкоплечем, длинном и статном герое, украшенном тремя клеймами на лице, нашла свой идеал юная, прекрасная, пламенная сердцем, возвышенная душою, укра-

шенная всеми дарами природы и воспитания княжна Серпуховская! Горянов объясняет это психическое явление тем, что княжна много училась, и всю вину кладет на науки. «Довольно религии!» – говорит он добродушно, не понимая, что только при просвещенном разуме и образованном сердце человек способен постигать вполне высокие истины христианской религии; что у невежд религия превращается или в фанатизм, или в суеверие. И чем же всё это кончилось? Княжна ввела своего друга в итальянскую ферму в саду, подкупила дворецкого и через горничную пересылала ему пищу и необходимые вещи, не забывая и сама как можно чаще посещать его. Тот открылся ей во всем и тем еще более выиграл в ее к нему расположении. Наконец, она бежала с ним и поселилась в каком-то раскольничьем ските – и слух о ней пропал навечно... Вот вам несколько строк, вырванных там и сям из оставленного ею нарочно своего журнала:

Я лежала в это время на его тюфяке, опершись рукою на подушку. Он хотел меня обнять и закинулся на меня всею грудью. Я вздрогнула, прижалась в угол и, сжавши руки на груди моей, смотрела на него глазами, в которых изображался страх.

Он смотрел внимательно: я захохотала.

– Не сердись на меня, друг мой! – вскричала я, бросившись к нему на шею, – не думай, чтоб это было какое-нибудь ощущение, кроме внезапного страха. Я все еще не могу привыкнуть к твоей великанской стати.

Он улыбнулся.

– Наказывай меня теперь, как тебе хочется, не балуй моих порывистых прихотей.

...Он отбросил со мною все пустые ужимки. Он муж в полном смысле этого слова. С этих пор, я не имею своей воли и не желаю даже иметь ее: мое наслаждение предупреждать, исполнять все его прихоти. Нет ничего низкого там, где всё облагоураживается любовью.

Ну, вот вам по возможности полный очерк этого романа: довольны ли вы им? Я старался схватить самые характеристические черты и потому о многом не сказал. Сколько тут характеров, и какие характеры! Об одном Н. П. Малове, издателе записок Горянова, можно написать большую отдельную статью: так занимателен этот характер! А его супруга, Аделаида Францовна – это, как выразился покойный Горянов, *вочеловеченное сладострастие снаружи и благочестие внутри!*..

Постойте, потешу вас еще одною выписочкою, которая должна довершить характеристику романа:

– ...Что же? – подхватила англичанка, – смерть неважное дело.

– Смотрите, мисс, я вам отплачу.

– Конечно, смерть ничего, – подхватила француженка, – но г. доктор прежде сделает водянную.

– То есть, вы хотите сказать, как у бедной Марьи, к которой призвали меня за неделю до смерти. Постойте, мамзель Фуше, я с вами справлюсь.

– А что вы сделаете, доктор?

- Во-первых, пущу кровь.
- Во-вторых? – спросила мамзель Фуше.
- Волью в вас большое количество тизана из алтеи.
- Потом? – спросила безотвязная француженка.
- Потом, потом, – отвечал Крузе, – сделаю вам водяную.

Литератор прибавил: «То есть *удвоит ваше существование*».

Теперь мне должно познакомить вас с внешними качествами этого романа. Язык, надо признаться, очень плох. Горянов – человек старинного покроя и грамоте, как видно, учился на железные гроши. Как, например, покажется вам эта фраза: «Вице-губернатор, великий знаток в винах, пил их с большим удовольствием, *смакуя* на губах и журча ими между зубами – прокурор *глотал безусловно (?)*». Вообще покойный Горянов придерживался какого-то жаргона, непонятного для нас – так, например, есть ли в русском языке подобные слова – *исконно* (т. е. древне); заготовя себе *загодя* (заблаговременно заранее?); *подлюбливатъ плоды*; капитан собирался было говорить *докапо*, и т. д.? А что за правописание? Чем объяснить это уважение, которое Горянов питал к иностранным словам? *Стадия, кредитор, каста, идеал, гастрономия, гумористика* — в начале всех этих слов автор ставил прописные буквы. Расстановка знаков препинания обнаруживает ужасную безграмотность: дополняемые слова везде отделены от дополнительных запятыми, как, например, в этой фразе, которою оканчивается роман: «По сте-

пени приближения к чистейшему началу есть возможность постигать единственно дух, истинного Изящества».

Мы охотно прощаем покойнику и бестолковость, и безграмотность, и непристойность его романа, но мы не можем ему простить той убийственной скуки, которую проникнут его роман от первой страницы до последней...^[9]

Бедный Горянов! сперва он был убит злодеем, а потом сам зарезал себя! Успокой, господи, душу страдальца!..

В одном журнале «Постоялый двор» превознесен до небес; там найдены в этом романе такие места, которых, будто бы, нельзя встретить ни на каком языке земного шара. Не спорим: у всякого свой вкус: ссылаемся на тульские стальные печати с забавною эмблемою, о которых упоминает Горянов в своих записках (ч. I, стр. 152).^[10]

Комментарии

1.

«Молва» 1836, ч. XI, № 1 (ценз. разр. 2/1), стр. 8–31. Подпись – (В. Б.). Автор «Постоялого двора» – Александр Петрович Степанов.

2.

Неточная цитата из «Графа Нулина». У Пушкина:

3.

Белинский имеет в виду «Освобожденный Иерусалим» Торквато Тассо, где в ч. II (песня 18-ая) описан волшебный «сад чудес», в котором Армида является Ренальду.

4.

Источник цитаты не установлен.

5.

См. в стихотворении Бенедиктова «Золотой век»:

6.

В «Молве» – «пригласивший» (повидимому, опечатка).

7.

См. «Евгения Онегина» Пушкина (гл. III, строфа XXVIII):

8.

Цитата из оды Державина «Вельможа».

9.

В 1838 г., по поводу другого романа А. П. Степанова, Белинский писал, что это «мерзость безнравственная, яд провинциальной молодежи, которая все читает жадно...» (ИАН, т. XI, письмо И. И. Панаеву от 10/VIII 1838).

10.

В «Библ. для чтения» (1835, т. XII, отд. V, стр. 1–18) в рецензии на «Постоялый двор» был приведен отрывок о супружеской любви и следующая оценка: «Мы не читали ничего лучшего ни на каком языке. И подобных мест в «Постоялом дворе» – множество». В указанном далее Белинским месте романа (ч. I, стр. 152) читаем: «Но чего нет на свете? Видели вы стальные печати в Туле с эмблемою довольно забавною и с надписью: у всякого свой вкус. Усач засмеялся во все горло и затопал ногами...»